

и одной ночи». Восточные сказки – это лишь канва для композитора. Он создает собственные сказки, объединенные замечательным соло скрипки, передающим узорчатую, близкую подлинно восточной, мелодию. Эта тема изображает саму рассказчицу – Шахерезаду. «Если вслушаться в тему Шахерезады, то станет ясно, насколько индивидуален этот образ и как в одной теме может быть выражено много черт: нежность в звучании высокого регистра скрипки, изысканность – в узорчатой мелодии, живое дыхание – в прихотливой ритмике» [15, с. 142]. В этом произведении Римский-Корсаков не заимствовал арабские народные темы, но, как и Бородин в «Князе Игоре», воссоздал «музыкальный Восток», каким он представлялся русскому художнику, свободно воспроизвел общий колорит народной восточной музыки, ее отдельные характерные приметы: типичные интонации, ритмическую орнаментику, специфическое приращение ударных и духовых инструментов.

Восточная тема в творчестве П.И. Чайковского не нашла значительного места. Его «Китайский» и «Арабский» танцы из балета «Щелкунчик» – лишь стилизация. Более разнообразно представлен Восток у Сергея Рахманинова. «Восточный танец» для вио-

лончели и фортепиано, «Восточный отрывок» для фортепиано, романс «Не пой красавица», «Каприччио на цыганские темы» и, конечно же, опера «Алеко» – вот те произведения, которые серьезно позволяют говорить о «восточности» в творчестве Рахманинова. Сергей Рахманинов имел молдавские корни, но, слагая всю свою жизнь «песнь о России», все же с большим почтением относился к культурам других, в том числе «восточных» народов, населявших территорию огромной Российской империи.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что менталитет народов Востока находится в тесной и неразрывной связи с развитием музыкальной культуры этих народов и оказывает огромное влияние на музыку других культур. Кроме того, восточная ментальность, отраженная в музыкальной культуре восточных стран благодаря своей «необычности» для европейцев и жителей России, всегда была привлекательна для них своей «загадочностью» и «необъяснимостью», что несомненно вызывало интерес и так или иначе оказывало влияние уже на музыкальную культуру европейского типа, а также русскую классическую и современную музыкальную культуру.

Литература

1. Розин В.М. Музыка на рубеже XX века // www.countries.ru/library/art.
2. Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998.
3. Петрухинцев Н.Н. XX лекций по истории мировой культуры. М., 2001.
4. Пархоменко И.Т. История мировой и отечественной культуры. М., 2002.
5. Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999.
6. Исаева М.В. Соотношение музыкальной системы «люй» и общей теории познания в Китае // XIX конф. «Общество и государство в Китае». М., 1987.
7. Инайят Хан. Мистицизм звука. М., 1997.
8. Черкасова Н.Л. Рага и ее место в индийской музыкальной культуре. М., 1993.
9. Философия / Под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной. М., 1997.
10. Чельшев Е.П. Современная поэзия хинди. М., 1985.
11. Чередниченко Т.В. Музыка в истории культуры. М., 1994.
12. Еолян И.Р. Традиционная музыка Арабского Востока. М., 1990.
13. Рифтин Б.В. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая II в. до н. э.–VIII в. н. э. // Проблемы востоковедения. 1960. № 5.
14. Маркези Г. Опера. М., 1990.
15. Никитина Л.Д. История русской музыки. М., 1999.

П.Л. Волк

СИНЕРГЕТИКА КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Томский областной колледж культуры и искусств

Термин «синергетика» как название нового междисциплинарного направления исследований был впервые введен Германом Хакеном в курсе его лекций, прочитанных в 1969 г. в университете Штутгарта. Синергетика, что в переводе с греческого означает «содействие», «сотрудничество», имеет два смысла. Г. Хакен указывал, что, с одной стороны, речь

идет о кооперативном действии элементов сложных систем, с другой – о сотрудничестве ученых разных областей знания [1, с. 5].

За прошедшие десятилетия синергетика стала признанным междисциплинарным направлением научных исследований, которое занимается изучением сложных систем, состоящих из многих элемен-

тов, частей, компонентов, взаимодействующих между собой сложным (нелинейным) образом. Как считают В. Аршинов и Я. Свирский, «в настоящее время есть все основания полагать, что именно исследования процессов самоорганизации, осуществляемые в русле становления идей синергетики, ее концептуального аппарата, и являются исходной точкой роста новых образов и представлений в науке» [2, с. 59].

Особый вклад в развитие теории самоорганизации принадлежит Брюссельской школе, существенно опирающейся на работы И. Пригожина. В сильно упрощенном виде суть этой теории сводится к следующему. Некоторые части Вселенной действительно могут действовать как механизмы. Таковы замкнутые системы, но они в лучшем случае составляют лишь малую долю физической Вселенной. В то же время возникла теория, что замкнутая система – это такая же абстракция, как и вечный двигатель, которая реально существовать не может. Большинство же систем открыты – они обмениваются энергией или веществом (и информацией) с окружающей средой. К числу открытых систем, без сомнения, принадлежат биологические и социальные системы, а это означает, что любая попытка понять их в рамках механистической модели заведомо обречена на провал.

Если воспользоваться терминологией Пригожина, то можно сказать, что все системы содержат подсистемы, которые непрерывно флуктуируют. Иногда отдельная флуктуация или комбинация флуктуаций может стать (в результате положительной обратной связи) настолько сильной, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается. В переломный момент (по Пригожину – в точке бифуркации) принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности, называемый Пригожиным диссипативной структурой. При этом Пригожин подчеркивает возможность спонтанного возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации (см.: [3, с. 18]).

Следует согласиться с М.С. Каганом [4, с. 38] в том, что, хотя процессы самоорганизации и имеют всеобщий характер, высшей их формой является развитие антропо-социокультурных систем – высшей в том смысле, что в них сложность строения не только умножена на сложность развития, но что последняя порождается сознательно целенаправленной деятельностью человека.

Одним из первых к интерпретации культурогенеза в системной парадигме подошел П. Сорокин. Опираясь на громадный фактический и статистический материал, Сорокин делает выводы, которые можно кратко сформулировать, используя синергетические термины, таким образом:

– на территории европейского региона в течение трех тысячелетий происходили флуктуации, охватывающие все сферы культуры;

– когда какой-либо тип культуры становится доминирующим в одной из ее сфер, характерные для этого типа установки начинают проникать и в другие ее сферы; в результате этого происходят параллельные сдвиги во всех частях существующей на данном этапе культурной суперсистемы (хотя темпы и сроки их в разных сферах культуры могут быть неодинаковыми);

– параллельность и относительная синхронность наиболее значительных и долговременных флуктуаций свидетельствует об интегрированности культурной суперсистемы в целом;

– в истории наблюдается циклическая смена доминирующих культурных суперсистем в последовательности: идеационная → идеалистическая → сенсетивная.

Существенный вклад в системное осмысление культурогенеза внес К. Ясперс. «Всемирная история, – пишет он, – может выглядеть как хаос случайных событий. В своем целом она кажется беспорядком и неразберихой, как водоворот при наводнении. Эта неразбериха продолжается все дальше, от одной путаницы к другой, от одного несчастья к другому, с краткими просветами счастья, с островами, которые некоторое время остаются нетронутыми штормом до тех пор, пока и они не оказываются залитыми водой, все и вся – согласно образу Макса Вебера – одна улица, которую дьявол мостит разрушенными ценностями» [5].

В схеме культурогенеза, предложенной Ясперсом, четыре переломных момента, четыре социокультурные бифуркации, согласно синергетической теории. Первый связан с возникновением языков, изобретением орудий труда и использованием огня. Это метеовский век, фундамент всей истории, благодаря которому человек впервые стал человеком, по сравнению с тем биологическим существованием, которое мы себе не в состоянии представить.

Второй период между 5000 и 3000 гг. до Р. Х. В это время возникли древние высокоразвитые культуры в Египте, Месопотамии, Индии, а несколько позднее, в период Чжаньго, в Китае. Это были маленькие островки света в широкой массе уже населявшего всю планету человечества.

Третий: около 500 лет до Р. Х. – в период между 800-ми и 200-ми гг. – в Китае, Индии, Персии, Палестине и Греции был заложен духовный фундамент человечества, которым оно живет до сих пор, причем разные страны участвовали в этом процессе одновременно и независимо друг от друга.

Четвертый – это эпоха науки и техники, подготовленная в Европе в конце Средних веков, определившаяся в своих духовных основаниях в XVII столетии, более широко развернувшаяся с конца XVIII столе-

тия и развивающаяся ускоренными темпами только последние несколько десятилетий.

Наибольший интерес, по мнению Ясперса, представляет третий переломный момент, относящийся к периоду около 500 лет до Р. Х. Он ссылается на Гегеля, который сказал: «Вся история восходит к Христу и из него исходит. Появление Сына Божьего есть ось истории» [5].

Эта ось всемирной истории, по мнению Ясперса, лежит в том духовном процессе, который происходил между 800-ми и 200-ми гг. до Р. Х. Именно тогда возник человек, который продолжает жить до сих пор. Это время он называет «осевым временем» («Achsenzeit») [5].

Не употребляя синергетических терминов, Ясперс вплотную подступает к пониманию синергетических оснований культуругенеза: «Высокомерное планирование властителей, опирающееся на мнимое целостное знание истории, терпит катастрофическое крушение. Планирования отдельных людей в их узких сферах терпят неудачу или становятся моментами совершенно иных, незапланированных смысловых связей. Ход истории или предстает как огромный вал, перед которым никто не может устоять, или являет некий смысл, прояснение которого уходит в бесконечность. Этот смысл обнаруживается вопреки всем ожиданиям благодаря новым событиям, оставаясь при этом всегда многозначным, – некий смысл, который мы никогда не знаем в тот момент, когда вводим себя ему» [5].

Особый интерес в этом отношении представляют исследования, проведенные М.С. Каганом. Каган рассматривает историю мировой культуры как целостный процесс. Это значит, что все феномены всемирного процесса культурной эволюции человечества на Земле – события, действия, факторы, причины, результаты, – где бы они ни происходили, взаимосвязаны и являются фрагментами единой системы, развертывающейся во времени и пространстве. Отсюда следует, что понять логику развития и специфику культуры в каком-либо конкретном регионе и в какую-либо отдельную эпоху можно, только учитывая общие закономерности культурно-исторического процесса в масштабах всей нашей планеты и место, занимаемое в нем данным регионом и данной эпохой. Этот принцип определяет иное видение истории, которого не было ни у тех исследователей, которые исходили из ее однолинейности, ни у тех, кто рассматривал разрозненные общества или цивилизации без учета их обусловленности общей логикой нелинейного исторического процесса. Благодаря ему высвечиваются глубинные связи и зависимости, остававшиеся до сих пор в тени.

В истории культуры, как и в эволюции физических систем, происходит чередование состояний гармонии и хаоса. Состояние хаоса служит условием, на основе которого возникает новая гармония. Сле-

дующий цикл является продолжением предыдущего. Переход от гармонии к хаосу идет не в каком-то одном направлении, а по разным путям одновременно. Так что лишь будущее показывает, какой из путей оказался более перспективным, а какой – менее перспективным или тупиковым.

Предпочтение, которое ход истории отдает одному пути развития культуры перед другими, Каган объясняет синергетическим принципом, согласно которому будущее уже имеется в настоящем и функционирует в качестве возбудителя. Оно содержится в настоящем «в виде ростка потенции, которая имеет перспективу развития, поскольку будущее ее как бы “притягивает”, обеспечивая именно ей преимущественные, оптимальные условия для реализации... Эту магнитную силу будущего синергетики назвали аттрактором» [6, с. 42].

Принятая Каганом методология исследования заставляет его начать описание истории культуры не первобытности, как это обычно делается, а с предшествующей длительнейшей эпохи – с растянувшегося на несколько миллионов лет процесса перехода от биологического, «докультурного» существования человеческих предков к социальной, «культурной» жизни человечества. Такое долгое время потребовалось для надстраивания над генетическим механизмом передачи информации от поколения к поколению нового, внегенетического информационного канала – искусственно созданных знаковых систем культуры. В течение этого времени постепенно совершалось «окультуривание тела» – приспособление руки, мимики, гортани для большей свободы действий, развитие мозга – формирование функциональной асимметрии его полушарий, позволяющей осуществлять двухуровневую, наглядно-образную и абстрактно-логическую обработку информации.

Антропо-социокультуругенез был процессом, в котором устоявшаяся за сотни миллионов лет гармоническая в известных пределах структура животного бытия предков человека сменилась хаотическим поиском новых способов бытия. Этот поиск в большинстве случаев приводил в тупик: зонные ветви древа биологической эволюции обезьяноподобных предшественников человека отмирали, не найдя оптимального способа выхода из животного состояния. Лишь один из путей антропо-социокультуругенеза оказался «счастливым» – это произошло в Африке, где ветвь австралопитеков образовала ствол, породивший человека. Там появилась культура, способная обеспечить тот образ жизни людей, который стал, при всем последующем этническом ветвлении, стабильным типом социальной организации – первобытным обществом.

Стихийный поиск оптимальной модели нового образа жизни людей был ограничен спектром объективных возможностей, которые определялись структурой практической, материально-производственной деятельности первобытных племен. Эта деятельность

была трехкомпонентной: первые два ее компонента – собирательство и охоту – человек унаследовал от своих животных предков, а третий – ремесло – был неизвестен животным и составлял чисто человеческое достояние.

Все объективно имевшиеся возможности перехода людей к новому социокультурному состоянию были испробованы в истории человечества. В результате из первобытности выросли три параллельно развивавшихся типа хозяйства и соответственно три типа культуры.

Культура скотоводческих народов – главным образом в Азии. Они вели кочевую жизнь в поисках необходимых пастбищ. Многие из них передвигались из Азии к западу, вступая в военные схватки с населением захватываемых земель.

Культура земледельческих обществ, наиболее ранние из которых сложились на плодородных землях вблизи рек на территориях Египта, Ближнего Востока, Китая, Индии. Там образовались могущественные государства, способные организовать население на крупномасштабные оросительные работы и защищать освоенные земли.

Культура древних греков и римлян, опиравшаяся на развитие ремесленного производства. Именно эта деятельность потребовала создания городов, где возникали необходимые для нее условия. Такие города стали средоточиями культуры, центрами интенсивной экономической, политической, торговой, духовной, художественной жизни.

Первый путь оказался тупиковой формой: кочевники рано или поздно повсюду переходили к оседлому образу жизни и к настоящему времени их почти не осталось, за исключением бедуинов и немногих других азиатских, африканских и северных племен.

Второй – земледельческий, аграрный вариант по сравнению с первым открывал больше возможностей совершенствования жизни. Однако повышение эффективности земледельческого труда зависит не столько от земледельца, сколько от развития ремес-

ла, а позже – технического и научного прогресса. Культура аграрного типа лишена внутренних стимулов развития. Поэтому она остается культурой традиционной. Это объясняет, почему в таких странах, как Египет, Китай, Индия, где аграрный тип экономики закрепился на многие столетия, культура проявляет крайнюю замедленность изменения и удивительную стойкость по отношению к любым новациям.

Только третий тип культуры, в котором рождается город как культурно-хозяйственная форма человеческого поселения, оказывается лежащим на главной магистрали развития цивилизации. «В эстафете культурного развития человечества жезл передан городу, и передан безвозвратно» [6, с. 343]. Техника, наука и философия, письменность, система образования, литература, архитектура, театр и другие формы искусства – все это рождается в городе.

Логика развиваемой вслед за Каганом концепции приводит к выводу, что середина XX столетия является переломным этапом в истории мировой культуры: с этого времени начинается закат модернизма, а вместе с ним – культуры буржуазного общества. Ощущение надвигающихся перемен находит выражение в дискуссиях о постмодернизме (или постмодерне), которые ведутся во всем мире с 1970-х гг. Этим термином обозначают новый тип культуры, который зарождается на наших глазах, приходя на смену модерну. Однако сущность постмодернизма толкуется культурологами по-разному, и это естественно: контуры нового облика культуры сегодня высвечиваются еще весьма расплывчато и в разных областях жизни общества проявляются неодинаково.

Раскрытие механизмов самоорганизации в культурогенезе имеет исключительную значимость для развития цивилизации, ибо позволяет человечеству перейти на новый уровень миропонимания, выработать принципиально новые правила своих взаимоотношений с природными системами; понять свое место и роль в системе целесообразно развивающегося мирового порядка.

Литература

1. Хакен Г. Синергетика. М., 1983.
2. Аршинов В., Свирский Я. Философия самоорганизации. Новые горизонты // Общественные науки и современность. 1993. № 3.
3. Пригожин И., Стингерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.
4. Каган М.С. Синергетическая парадигма – диалектика общего и особенного в методологии познания разных сфер бытия // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.
5. Ясперс К. Введение в философию / Пер. Т. Щитцовой // <http://elenakosilova.narod.ru/studia/einfuehrung.htm>
6. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.